

19. Реформы 1990-х

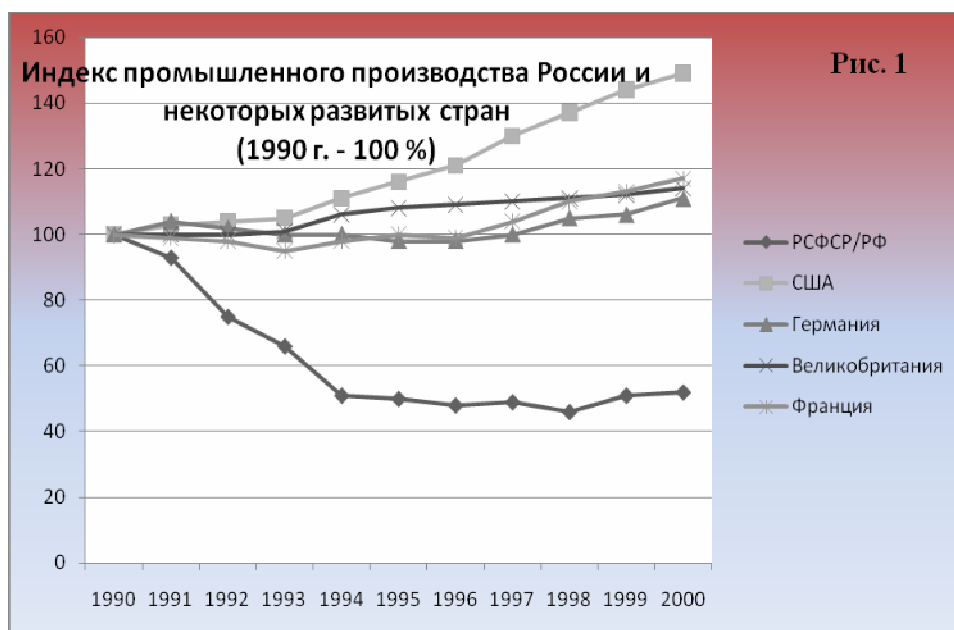
Тема 19 Реформы 1990-х

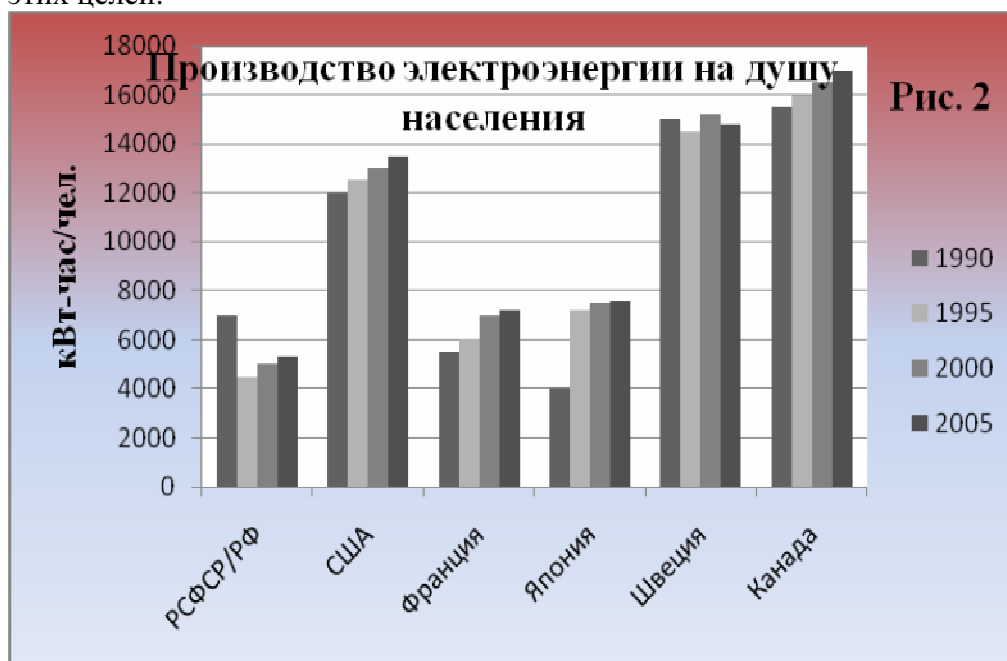
Программа Перестройки выполнена – цели не достигнуты. Вперед, к «демократизации» и коммерциализации. Назад – к доиндустриальному состоянию. Все графики идут вниз. Логична ли мир-экономика? Россия- СССР и мир-экономика в историческом ракурсе. Россия на периферии мир-экономики. Исторические прецеденты: реформы Избранной Рады, Петровские преобразования, освобождение крестьян, большевистский рывок. Может ли Россия попасть в число лидеров мир-экономики, и что для этого нужно?

Демодернизация. Большой совокупный проект реформирования СССР, а затем либерального реформирования России (конец 1980-х – начало 1990-х гг.) предполагал достижение следующих целей:

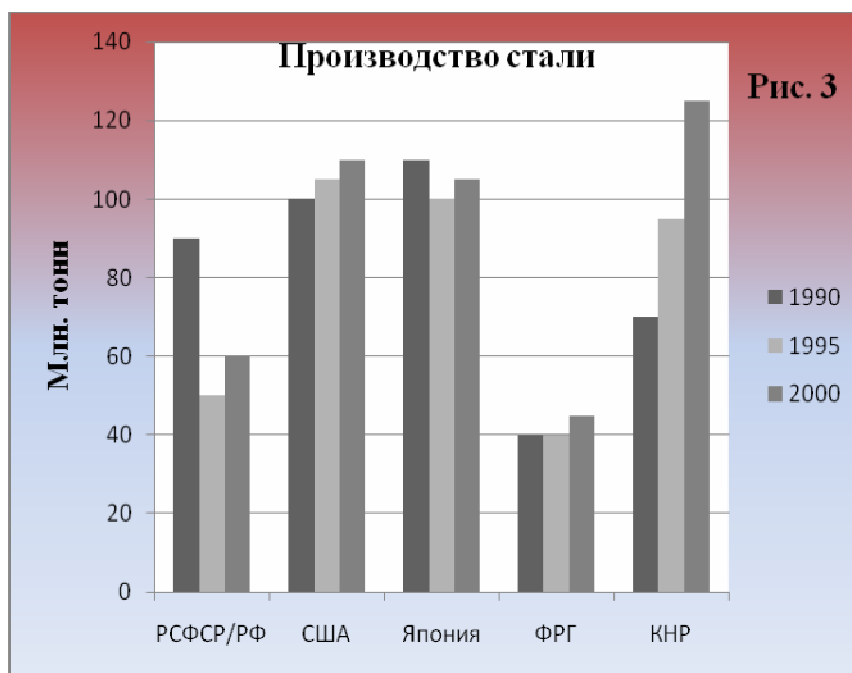
- модернизации материально-производственной сферы страны в соответствии с наиболее высокими мировыми стандартами (в пределе – «как в Японии»);
- увеличения темпов экономического роста (в пределе - *вхождение в число стран «первого мира»*);
- модернизации материально-бытовой сферы и увеличения благосостояния населения в соответствии с наиболее высокими мировыми стандартами (в пределе – «как в Америке»).

Курс на демократизацию политической сферы и коммерциализацию хозяйственной сферы первоначально рассматривался реформаторами как инструмент для достижения этих целей.

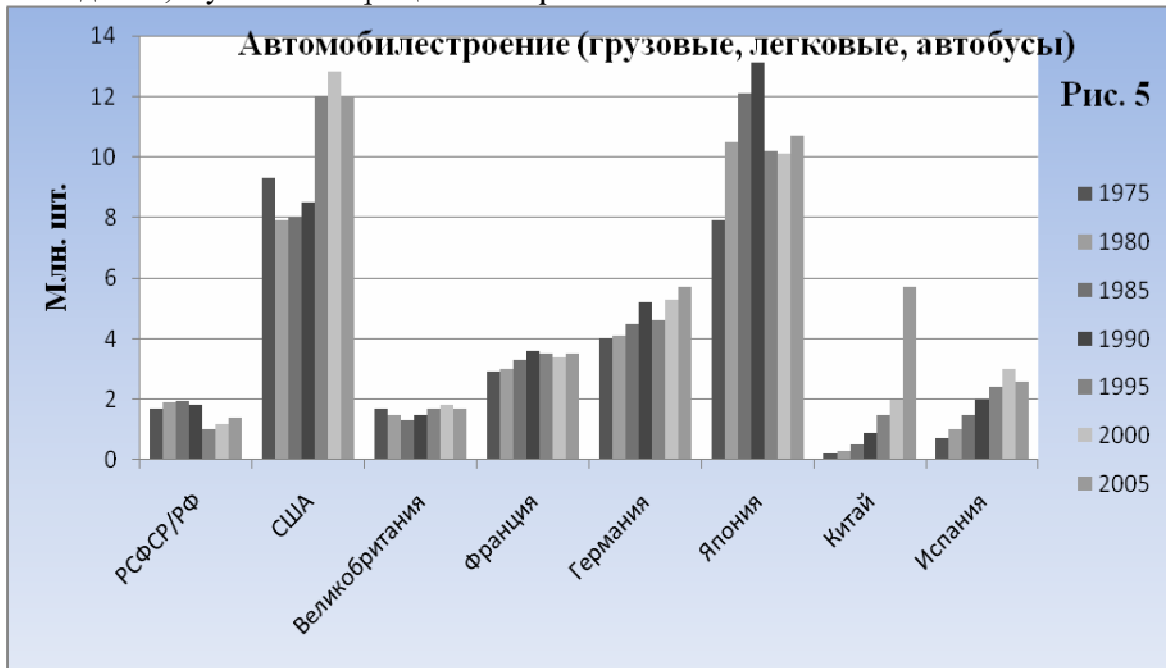
Увы, по всем названным пунктам реформы закончились провалом. На то, что реформы *закончились*, указывает то обстоятельство, что примерно с середины 1990-х гг. в правительственных кругах России перестали вспоминать о первоначально провозглашенных целях, а всё внимание сосредоточили на демократизации и коммерциализации как на неких самоценных атрибутах «цивилизованного общества», которые должны быть приобретены любой ценой.

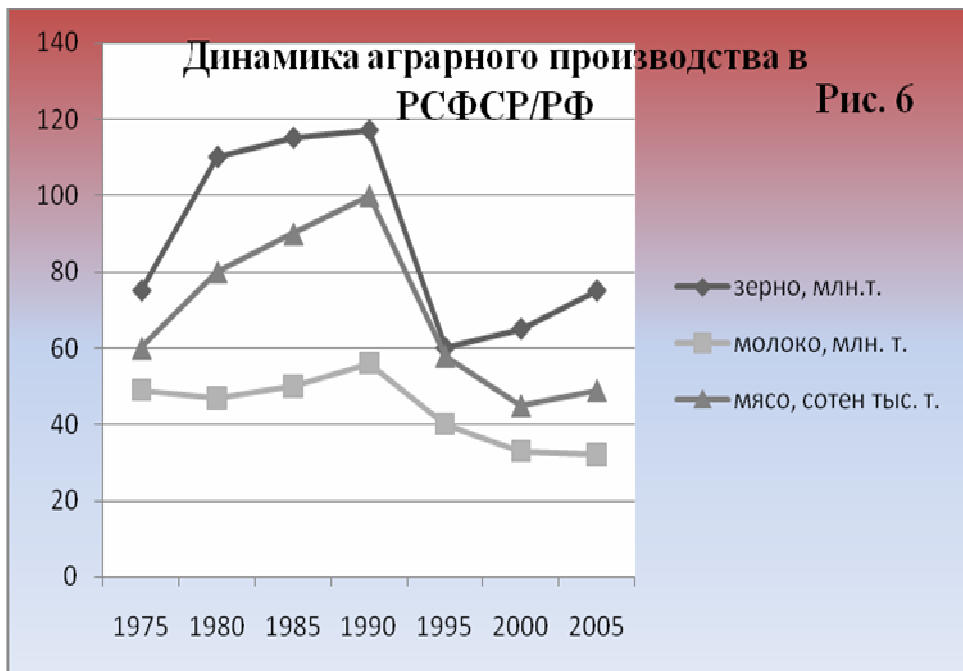
С середины 1990-х гг. страна пережила ускоренную *деиндустриализацию* (свёртывание промышленного производства). По основным показателям Россия 1990-х откатилась на уровень РСФСР 1960-х, а в некоторых случаях – даже и 1930-х гг.. Объяснение деиндустриализации тем, что таков удел всех развитых стран, переходящих в постиндустриальную фазу развития, неудовлетворительно. Российский провал не может быть сопоставлен с процессами в развитых странах современного мира. На графике (**Рис.1**) представлена динамика *индексов* (совокупных показателей) промышленного развития тех стран, которые входят сегодня в постиндустриальную фазу развития. Во всех случаях, кроме российского, индексы фиксируют устойчивый промышленный рост. Та же картина наблюдается при сравнении показателей производства базовой для расширения индустриального уклада продукции: электроэнергии (**Рис. 2**), стали (**Рис. 3**) и цемента (**Рис. 4**).

При этом видно, что за 10-20-летний цикл одна только Россия демонстрирует большую глубину падения и неспособность вернуться даже к первоначальному уровню. Показатели других стран либо сохраняют исходное состояние, либо существенно улучшаются. Некоторые отрасли промышленности исчезли в России совсем, как это произошло с производством промышленных роботов (в 1985-1986 гг. количество приближалось к японскому). Но, даже если какая-то отрасль первоначально (начало 1980-х) демонстрирует устойчивость, в 1990-е гг. ее ожидает обвал, после которого она оказывается на качественно более низком уровне по сравнению с ушедшими вперед «соседями», и уже не возвращается к прежним

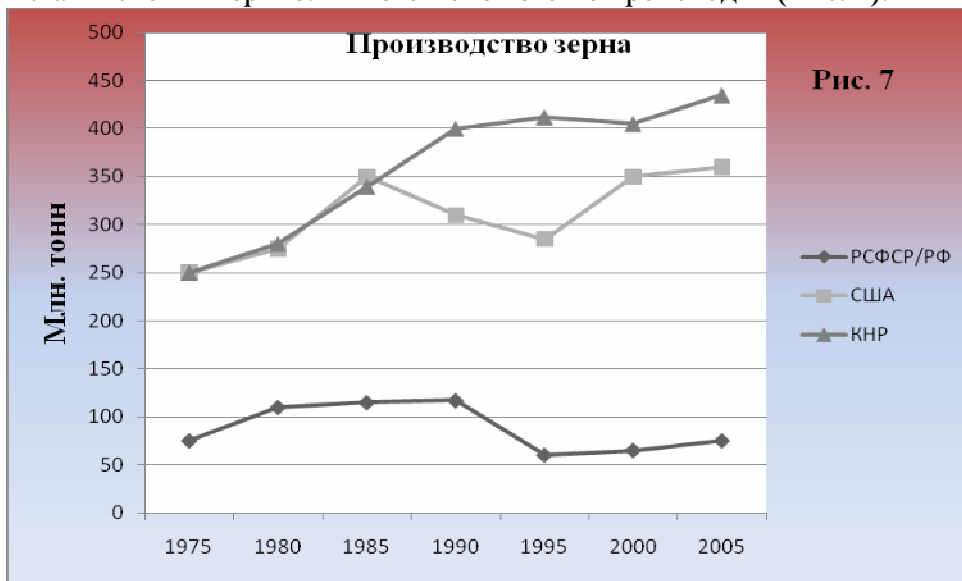
показателям (Рис. 5).

Та же динамика и в сельском хозяйстве (Рис. 6). В первой половине 1990-х гг. происходит быстрое свертывание аграрного производства. Если в 1990 г. по количеству крупного рогатого скота на душу населения РСФСР отставала от таких «животноводчески» стран, как

Аргентина и Австралия, в 3-4 раза, то в начале следующего десятилетия отставание становится десятикратным (это уровень XVIII в.). Впечатляет сельскохозяйственная

динамика стран «первого мира», которые, находясь на постиндустриальном этапе, казалось бы, вообще должны были забросить аграрный сектор, поручив его Азии, Африке и Латинской Америке. Ничего похожего не происходит (Рис. 7).

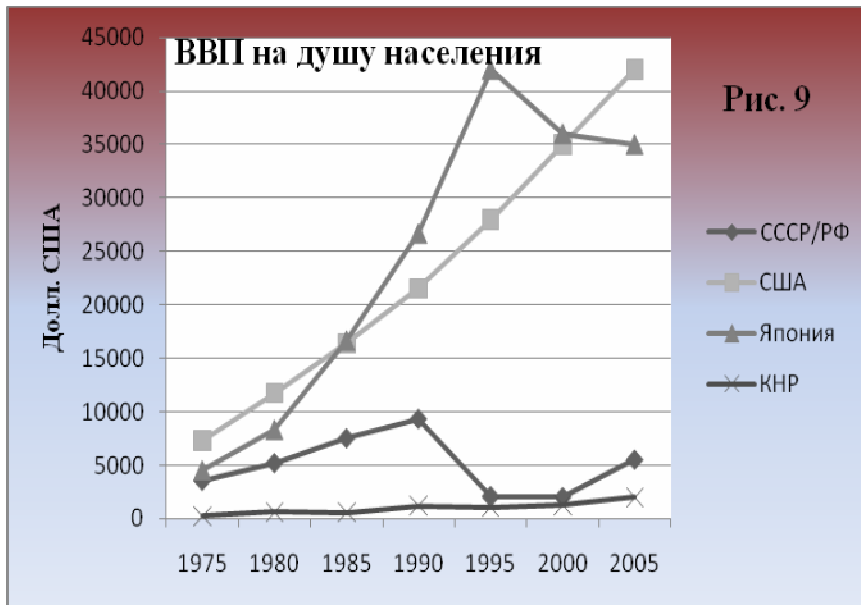

Как аграрно-индустриальный Китай, так и постиндустриальные США изначально находились на совсем ином уровне производства зерновых, чем Россия, и этот уровень к концу 30-летнего периода возрос. В России свертывание тяжелой индустрии не сопровождалось развитием сельского хозяйства и лёгкой промышленности, как мечтали некоторые реформаторы в годы «перестройки». Обвалились одновременно все три отрасли.

Информационное общество «второго эшелона». Недалеко ушли российские реформы и в отношении «информатизации», которая является неперенным атрибутом «постиндустриального состояния». (Рис 8). Модель развития с названием «информационное общество» предполагает высокий темп информатизации страны. Кто

обеспечит себе преимущество в темпах, тот и пожнёт выгоду информатизации – быстроту управления экономическими и административными процессами на фоне неповоротливости еще не компьютеризованных конкурентов. А отстающим достанутся только минусы компьютеризации: страна превратится в рынок для компьютерных лидеров, а наиболее активная часть населения будет «убивать» время у мониторов, не пользуясь той выгодой, которую страны-лидеры уже получили. Российская Федерация так и не вышла на ту скорость информатизации, которую демонстрируют страны «первого мира». Когда она всё же доберется до их уровня, то уже не получит всей выгоды от неё (связанной с продажей программных продуктов), зато успеет получить все издержки (связанные не с производящей, а с потребляющей, т.е. вторичной компьютеризацией).

Другими словами, ни с точки зрения повышения темпов экономического роста, ни в отношении модернизации инфраструктуры России не удалось удержаться даже на том уровне, который у нее уже был. Но, может быть, реформы 1990-х гг. привели к росту благосостояния населения, как это произошло в промышленно неразвитых Арабских Эмиратах? Тоже нет. За десятилетие Россия получила почти пятикратное падение величины ВВП в расчете на душу населения (**Рис. 9**). В конце «перестройки» в СССР считалось, что общую картину благополучия страны портят республики Средней Азии, несколько отстававшие по уровню благосостояния населения. Ожидалось, что с их отделением Россия будет иметь более высокий уровень ВВП на душу, чем СССР. На деле по этому показателю Россия оказалась в числе развивающихся стран (тогда Китай, Алжир, Гондурас, Папуа-Новая Гвинея). Разрыв же в сравнении с наиболее развитыми странами стал уже не двукратным, а почти двадцатикратным. При этом надо учитывать то сильное социальное расслоение, которое началось в России с 1992 г. : уровень доходов различался здесь на величины, рекордные для Европы (**Рис. 10**).

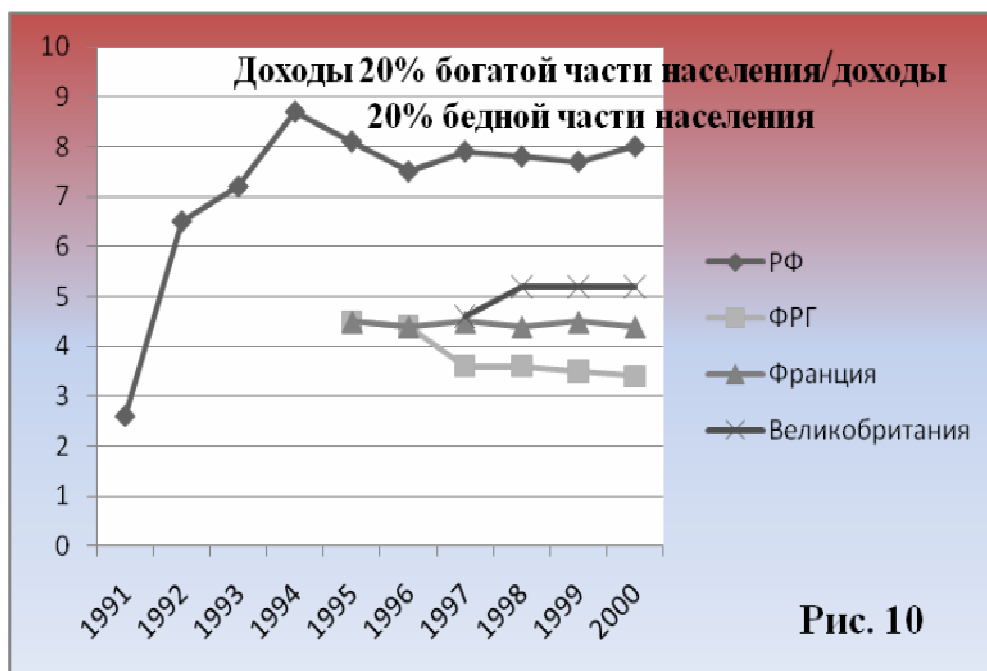
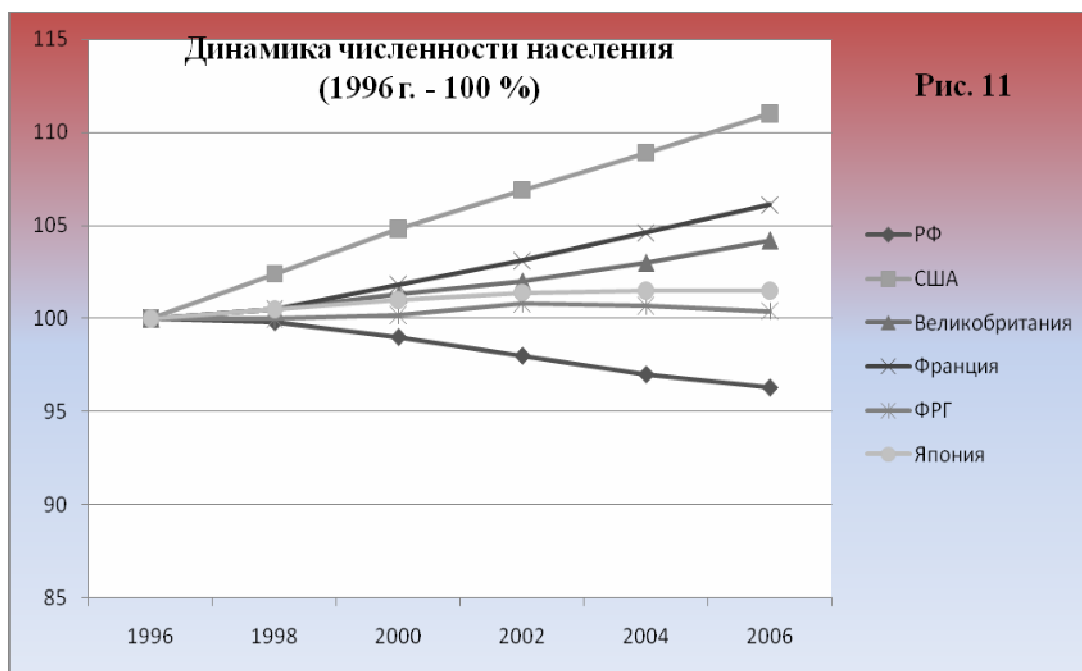

Рис. 10

Значит, реальные доходы большинства российских граждан были во много раз меньше указанной средней доли ВВП на душу населения.

Всё это говорит о том, что в 1990-е гг. в России произошла демодернизация, утрата важных качеств современного общества. Косвенно с деиндустриализацией и утратой прежнего уровня благосостояния связан демографический спад. Очень многие оказались просто не приспособлены к жизни в «досовременном» состоянии. Одни эмигрировали, другие умерли, третьи побоялись иметь детей. Известно, что в благополучных, «постиндустриальных» странах Европы тоже говорят о снижении или прекращении прироста населения. Неверно, однако, считать российскую ситуацию еще одним признаком перехода к постиндустриальному состоянию. Эта ситуация не похожа на европейскую (Рис. 11). В России происходит сокращение численности населения, а в Европе – небольшой, но устойчивый прирост. Да, в значительной степени этот прирост – следствие миграции в страны Европы азиатского и африканского населения. Но ведь миграция в Россию тоже происходит, и тем не менее она не может покрыть продолжающейся убыли населения¹. Это своеобразный «демографический комментарий» к реформам 1990-х: из «третьего мира» нет смысла мигрировать в тот же самый «третий мир». Русский парадокс состоит в том, что падение произошло слишком быстро: неразвитая теперь страна оказалась населена людьми, ориентированными на относительно высокие стандарты потребления. Они не могли отреагировать на невзгоды, как в Африке – всплеском рождаемости. Они стали дожидаться высоких стандартов.

¹ За годы депопуляции (1996-2009 гг.) население сократилось с 148,3 млн. до 142,7 млн. Положительная динамика численного прироста населения фиксируется в РФ только начиная с 2010 г., и до 2014 г. составляет 100-200 тыс. ежегодно (с 142,7 млн. в 2009 г. – до 143,7 в 2014 г.). Лишь после событий на Украине – в 2015 г. – произошел ощутимый скачок: до 146,3 млн. (в основном это – вынужденные русскоязычные мигранты с востока Украины). Т.о., численность населения РФ в 2015 г. вернулась к уровню 2001 г.

И все же – почему упадок промышленного производства обязательно означает демодернизацию страны? Никто не отменял международное разделение труда, и чем покупать собственные некачественные товары, лучше покупать качественные импортные. Однако «покупать» – означает «менять». Менять на что?

Логика мир-экономики.

Обмен, как известно, является одним из основных средств перераспределения капитала. Мировая торговля устроена так, что одни страны всё время богатеют, а другие всё время беднеют. Это происходит оттого, что одни покупают дешево, а продают дорого, а другие, наоборот – покупают дорого, а продают дешево. Переключателем ситуации с одной на другую являются изменения двух параметров: *соотношения продавцов и покупателей* и *количества посредников*.

Соотношение продавцов и покупателей может быть двух видов: либо «много покупателей – мало продавцов», либо «много продавцов – мало покупателей». Уменьшение числа одних означает рост их монопольности, увеличение числа других означает рост конкуренции между ними. И покупателю и продавцу выгодна как собственная монополия, так и конкуренция между оппонентами. Такое состояние позволяет быть свободнее в том, чтобы назначить наиболее выгодную цену товара.

Количество посредников однозначно влияет на стоимость товара на рынке: посредники забирают ту часть стоимости, которую покупатель должен заплатить, но которую продавец не получит. Разумеется, надо учитывать величину посреднических услуг, но ясно, что при прочих равных условиях наличие посредников удорожает товар для покупателя. Страна, которая становится частью рынка для очень немногочисленных продавцов, должна больше платить за покупаемый товар. Страна, у которой внешний рынок узок, будет меньше выручать от внешней торговли своим товаром. Наконец, страна, которая имеет посредников на торговых путях (т.е. по геополитическим или технологическим причинам не может сама доставлять товар к конечным покупателям) – будет проигрывать во внешнеэкономической деятельности, экономические операции такой страны будут отличаться низкой прибыльностью. Но тогда в процессе обмена капитал будет неизбежно утекать из такой страны.

Мир-экономическая система устроена так, что капиталы движутся в целом в одном направлении – с периферии в страны «ядра». Чем менее экономически выгодные операции ведет страна на внешних рынках, тем более периферийным является её статус в рамках мир-экономики. Нехватка средств – постоянное бедствие такой страны. Нередко она попадает в финансовую кабалу или оказывается захваченной – словом, её суверенитет уменьшается и всегда находится под угрозой.

Замечено, что наименьшую норму прибыли обычно показывает торговля сырыми материалами, которые для потребления нуждаются в переработке: лес, зерно, руда, нефть и т.д. Высокую норму прибыли демонстрирует торговля готовыми изделиями (разного рода предметы потребления). Это происходит потому, что обычно продавцов сырья оказывается больше, чем покупателей: проще наладить добычу, чем обработку. Поэтому сырьевые рынки довольно быстро перенасыщаются. Рынки готовых изделий перенасыщаются медленнее (все умеют смотреть телевизор, но не все умеют его делать), и прибыльность операций конечных производителей демонстрирует определенную устойчивость.

И в первом и во втором случае монополия продавцов сменяется их конкуренцией. Но во втором случае это происходит гораздо медленнее. Поэтому в основном капитал утекает у «сырьевиков» в пользу «производителей».² Когда конкуренция между поставщиками товаров сильно снижает прибыль, некоторые из поставщиков начинают продавать сами вырученные деньги – это называется «размещение капитала». В этом случае накопленные ранее капиталы предоставляются в долг всем, кто желает повторить успех кредитора. На рынке капиталов обнаруживается противоположная динамика: сначала разворачивается конкуренция кредиторов за «площадки для инвестирования», а затем устанавливается ситуация, близкая к монополии (при расчетах все переходят на валюту одного из лидеров). И так продолжается до возникновения новой товарной монополии.

Россия- СССР и мир-экономика: исторический экскурс.

Во второй половине XIX – начале XX вв. Россия смещалась на периферию мировой экономической системы. Она вела торговлю сырьем (зерном), при этом не пробила к дополнительным рынкам (на Ближний Восток, в Персию, в Китай и Корею) и не устранила посредников на торговых путях (Турцию, Германию).

Верный признак смещения на периферию – провал реформ демократизации общественного устройства (время Александра II), когда земельная аристократия сохранила свои позиции, а большая часть населения осталась в самом низу по доступу к ресурсам общества, но на самом верху по несению обязанностей перед обществом.

Вообще говоря, лояльность любого общества правящей группе может поддерживаться двумя путями: *в первом случае* обеспечивается высокая вертикальная мобильность для значительных групп населения, и основная масса бывает преисполнена оптимизма по поводу своего будущего. *Во втором случае* каналы вертикальной мобильности оказываются почти перекрыты, вся полнота прав и привилегий находится в распоряжении относительно узкого слоя элиты. В этом случае основная масса населения хотя и видит глубину социальной «пропасти», отделяющей её от элиты, не может роптать на свою долю – такая судьба кажется ей закономерной.

² Бывают ситуации промышленного «бума», от которого «сырьевики» выигрывают, но их радость продолжается недолго. Кроме экономики существует еще и политика, и военная сила, – дело заканчивается тем, что технически оснащенные государства отнимают у менее оснащенных государств право распоряжения источниками сырья.

Для общества периферии мир-экономики, где прибыльность обменных операций низка, правилом является второй способ поддержания лояльности в обществе – ведь периферийные страны бедны потому, что оплачивают чужое развитие. В этих условиях дешевле оказывается поддерживать привилегии узкого слоя элит, чем предоставить доступ к благам широким слоям населения – для этого просто нет средств.

Если в каждом из случаев порядок вещей нарушается, правящая группа теряет легитимность в глазах подвластных. Закономерно поэтому, что как только Россия вступила в эпоху массовых армий и массовой промышленности, и от основной части населения потребовалось быть *гражданами* (отстаивать свои интересы на рынке труда, и даже воевать с оружием в руках при мобилизации), социальный порядок оказался под угрозой. Последовал социальный взрыв 1917 г., который привел к перестройке социального порядка. Теперь население проявляло лояльность правящей группе до тех пор, пока эта группа поддерживала высокую вертикальную мобильность.

Правда, в условиях сложившейся системы международной торговли сделать это можно было только одним путем – отсоединиться от мировых рынков и строить свой самодостаточный мир.³ Но изоляция была неполной и недолгой, и уже в начале 1930-х гг. Советскому Союзу пришлось частично выйти на мировой рынок – снова в роли сырьевого поставщика: требовалась валюта на индустриализацию.

Подошел к концу очередной цикл финансовой монополии – британской. Разворачивалась конкуренция между старыми европейскими центрами, с одной стороны, и США, с другой. Во всех подобных случаях финансовая монополия одного из лидеров заканчивалась большой коалиционной войной в Европе⁴.

Так и Вторая мировая война была продолжением передела рынков между Англией, Францией, Германией, Италией, США и Японией. В этой войне феномен СССР сыграл одну из основных ролей. Оказалось, что модернизация крупной, рвущейся к развитию страны, которая «отсоединилась» от мировой торговой системы, может творить чудеса. СССР одержал победу над противником гораздо более сильным, чем тот, в войне с которым Россия надорвалась четверть века назад.

Выйдя из войны победителем, Советский Союз образовал собственную систему обмена – «соцлагерь», где занял выгодную позицию, ведь на первых порах «соцлагерь» означал устойчивый рынок для советской обрабатывающей промышленности. Но геополитические соображения (необходимость идти на уступки восточноевропейским союзникам) вновь заставили СССР плотно присоединиться к мировым рынкам. Это произошло в период Разрядки, когда Восточная Европа брала в долг у Западной Европы, а СССР сырьём оплачивал эти долги.

Россия смещается на периферию мир-экономики.

³ У русских левых радикалов еще оставалась надежда на «мировую революцию», т.е. на исчезновение самой системы неравноценного обмена между народами. Уже в середине 1920-х гг. стало ясно, что эти ожидания не оправдаются. «Отсоединение» от мирового рынка означало запрет назначать стоимость на внешних рынках любой части советского достояния.

⁴ Финансовая монополия Геневи закончилась в XVII в. Тридцатилетней войной, голландская финансовая монополия – Наполеоновскими войнами конца XVIII-нач.XIX вв. Перед установлением финансовой монополии товарная конкуренция достигает наивысшей точки, принося уже минимальную прибыль, и финансисты наиболее выгодно размещают капиталы, ссужая их правительствам. Только вот отдавать им оказывается нечем. Поэтому среди мотивов правительств начать крупный конфликт всегда присутствует необходимость возвращать кредиты – за счет территориальных и иных приращений.

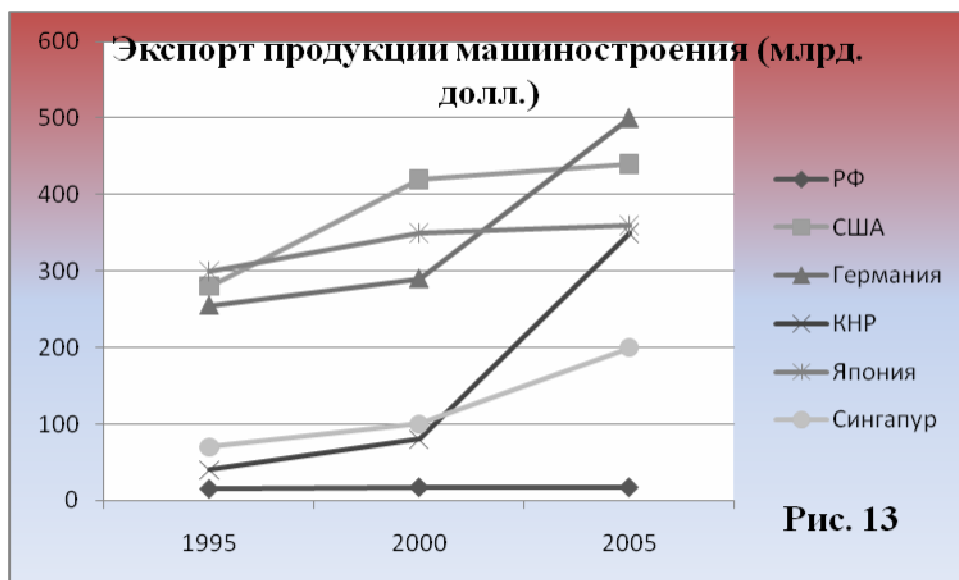
Когда в результате внутреннего кризиса и внешнего давления СССР пошел на односторонние уступки западному блоку («свободному миру») – «соцлагерь» распался, а следом распался и СССР. Утратив собственную систему обмена и вновь оказавшись на большом мировом рынке, Россия стала быстро скатываться на периферию мир-экономики. Каковы признаки этого процесса?

Во-первых, изменение структуры российского экспорта и импорта. Во-вторых, увеличение числа посредников, при уменьшение собственной посреднической роли. В-третьих, низкая прибыльность российских экономических операций.

На рисунке (**Рис. 12**) присутствуют две группы стран. В первой группе (США, Англия, Франция). ввоз больше вывоза. В эту группу входят страны-мировые финансисты, которые конвертируют рост стоимости своего фиктивного капитала в покупку реальных товаров.

Во второй группе (Германия, Япония, КНР, Россия) вывоз больше ввоза. В эту группу входят страны, которые не тратят часть полученной валюты на внешнем рынке. Здесь важно то, что Россия является аномально вывозящей страной. В стоимостном выражении она вывозит в два раза больше товаров, чем ввозит. Какие это товары? В основном – сырьё. Доля промышленных товаров в российском экспорте упала с 18 % в 1990-м г. до 4 % в 2005 г. Мировой рынок машиностроительной продукции в 1990-е гг. оставался высокоприбыльным, рос экспорт основных его поставщиков – всех, кроме России (**Рис. 13**).

В начале «нулевых» годов XXI в. Германия и Китай форсировали промышленный экспорт, а прежние лидеры сократили свое присутствие на рынках. Понятно: они уже получили на предыдущем этапе наибольшую прибыль, и теперь уходили с высококонкурентного рынка. На диаграмме видно, что к началу 2000-х гг. России уже опоздала. И было поздно стремиться туда.

Некоторое время её позиции оставались сильны в высокотехнологической сфере – СССР являлся лидером «второго эшелона» поставщиков этой продукции. Однако к концу 1990-х гг. Россия сдает свои позиции Германии и Китаю (**Рис. 14**).

Всё меньшую часть в ее экспорте составляет доля обработанной продукции. Россия закрепились в статусе сырьевой периферии развитых стран. Во второй половине 1990-х годов этот процесс ускорился (**Рис. 15**).

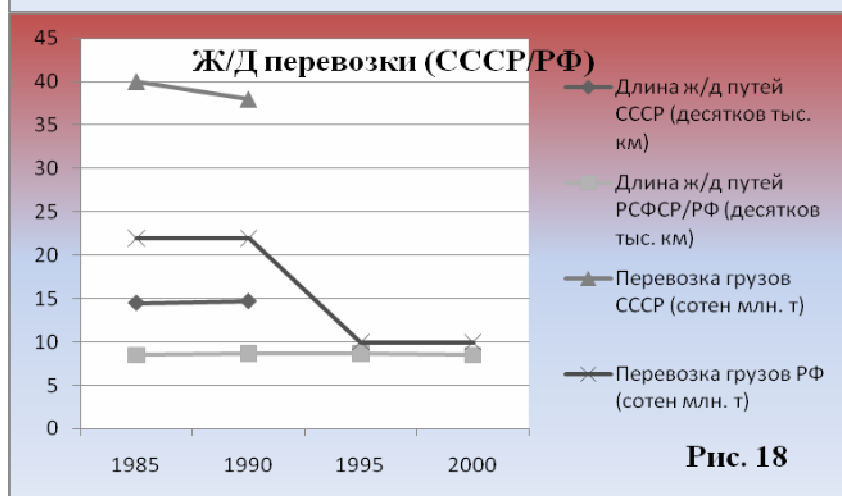

Но какую часть составляет российский экспорт от общего количества всего, что добыто и произведено внутри страны? Может быть, оно настолько беспредельно, что сырьевой экспорт России не должен рассматриваться как аномалия? Вовсе не беспредельно (**Рис. 16**).

К концу 1990-х гг. Россия продавала до 80-90% всего добываемого сырья. Исключение составлял уголь, который залегает глубоко и почти не добывается открытым способом. В то же время Подобную страну уже трудно назвать индустриальной, ведь она продает другим странам большую часть своего сырья. Не назовешь ее и аграрно-индустриальной, поскольку за рубеж продаются почти все удобрения.

Особенность периферийной экономики – обилие посредников-перекупщиков в торговых операциях. Причиной может быть как общая неразвитость страны (слабый торговый флот), так и геополитическая изоляция (например, отсутствие выходов к морским акваториям, примыкающим к мировым узлам деловой активности).

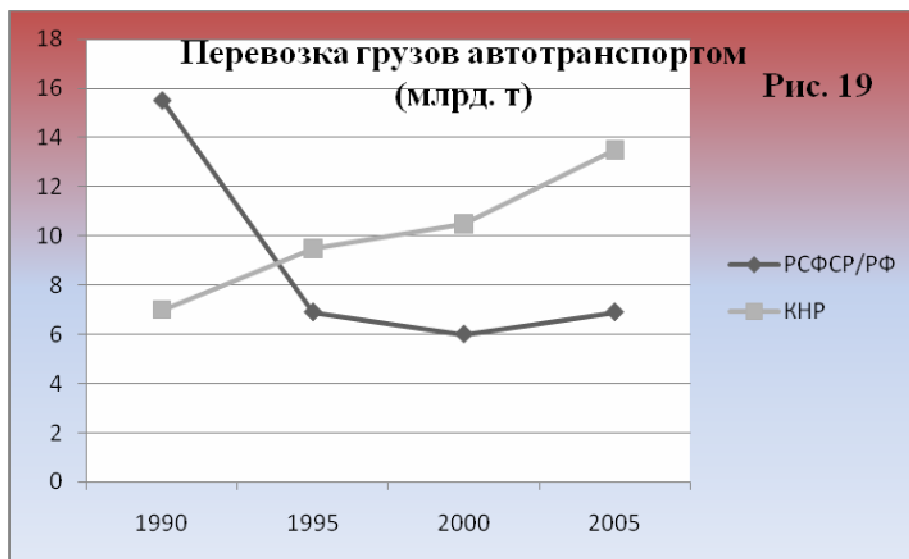

Современная Российская Федерация сталкивается с той и другой проблемой. Например, среди импортеров российской нефти первое место занимают маленькие Нидерланды, которые закупают нефти чуть ли не в два раза больше, чем все страны СНГ (**Рис. 17**). У Нидерландов мощный торговый флот, они – нефтяные перекупщики. Отчасти это можно сказать почти обо всех покупателях российского сырья. Дело в том, что транспортировку грузов самым дешевым транспортом – морским – Россия сократила почти в 10 раз (с 85 до 10 млн. тонн в год). В начале XXI в. она перевозит грузов морем меньше, чем паровой флот царя Николая II.

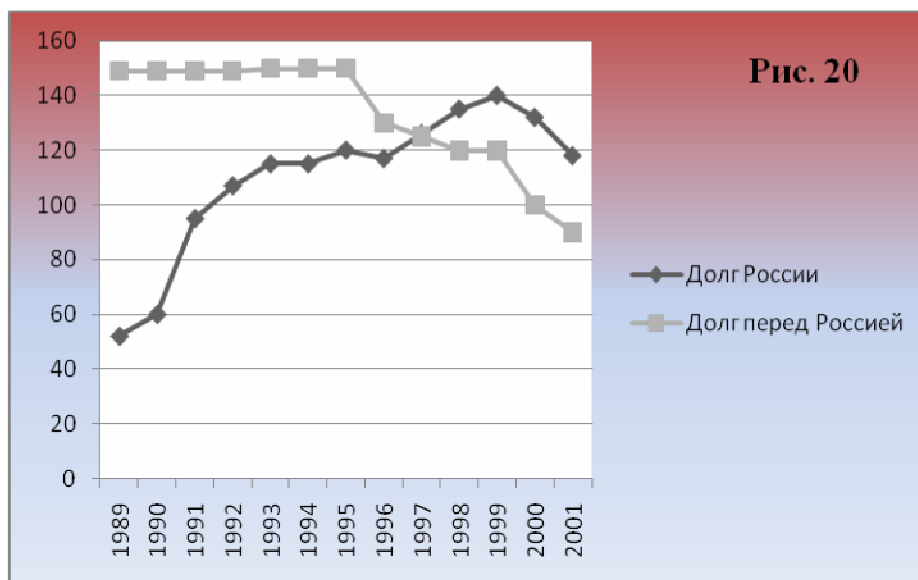
Прибыль иностранных судовых компаний от перевозки российских грузов в 28 раз больше, чем прибыль от такой перевозки российских компаний. С распадом СССР у России в ее европейской части не осталось ни одного крупного морского порта с круглогодичной навигацией. Почти все нефтеналивные причалы остались в Прибалтике, на Украине, в Закавказье и в Средней Азии. Россия вновь оказалась отрезана от морей, и вновь в ситуации геоэкономической окраинности.

Почти то же самое можно сказать о железнодорожных перевозках (**Рис. 18**). С выделением Российской Федерации из состава СССР протяженность её железнодорожных путей сократилась примерно вдвое, а объем перевозок упал вчетверо. Многие транспортные развязки превратились в дополнительную посредническую нагрузку на перевозимые грузы. Треть советской трубопроводной системы также осталась за пределами политических границ страны, это теперь тоже посредники. Автомобильные перевозки не смогли заменить иные виды транспорта – в пореформенный период и они сократились более чем вдвое (**Рис. 19**). Всё это означает также, что Россия сама никому

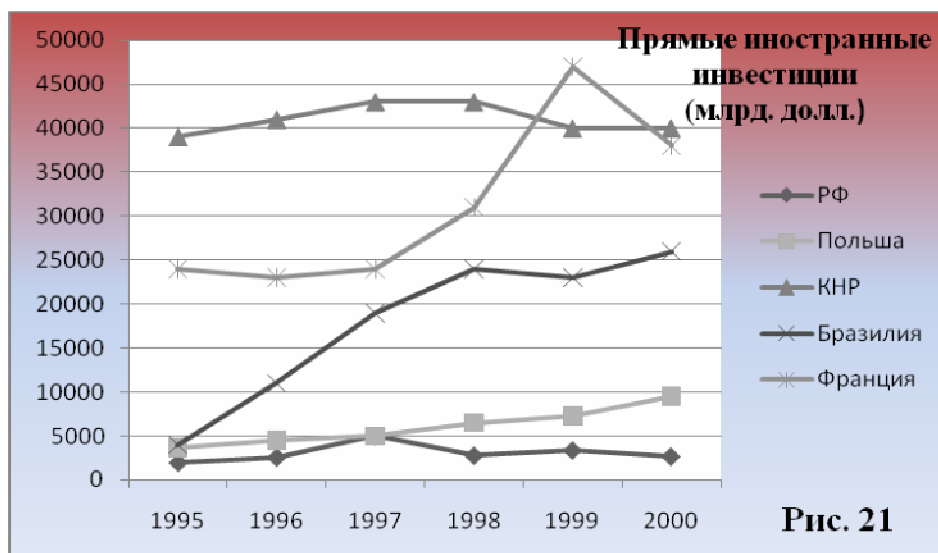
не в состоянии оказать посреднических услуг приемлемой стоимости, т.е. не может участвовать в чужой прибыли.

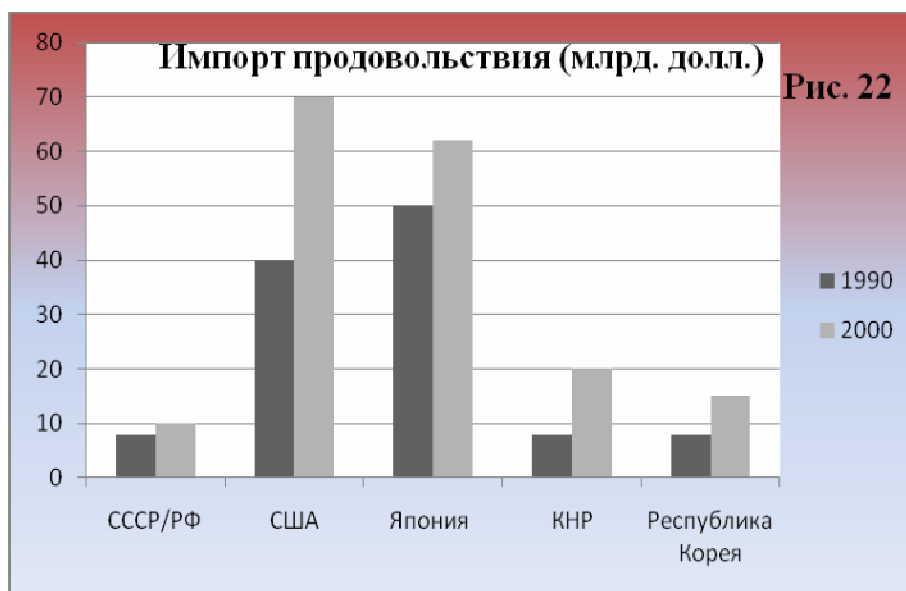
Периферийность страны в мир-экономике возрастает не только тогда, когда она становится для кого-то рынком, контролируемым продавцом-монополистом, но и тогда, когда она утрачивает собственные рынки, на которых может быть монополистом. Показательно поведение российских правящих кругов по поводу государственных долговых обязательств страны (**Рис. 20**). Россия признала своими все долги СССР (2/3 всех долгов было сделано в период Перестройки), но при этом последовательно отказывается от долгов бывших стран соцлагеря и «третьего мира» по отношению к Советскому Союзу. Действуя таким образом, страна утрачивает свой финансовый сектор во внешней экономике, а также собственную «периферию» – ведь обязательства

должников можно конвертировать в монополии и преференции любого рода.

Но, может быть, прибыльность того, что Россия продавала на внешнем рынке, позволяла игнорировать все перечисленные нюансы? Нет, это не так. Как и положено в периферийной стране, российские обменные операции обладают весьма малой прибыльностью. Выше уже было сказано о величине ВВП на душу населения (**Рис. 9**). Но есть и другой критерий, более надежный для определения именно прибыльности. Это – величина привлекаемых в экономику прямых иностранных инвестиций. Россия оказалась неспособна привлечь интерес инвесторов в сколько-нибудь значительном объеме (**Рис. 21**). Инвестиционная привлекательность огромной страны сопоставима с показателями Венгрии, Румынии, она меньше, чем у Польши и Чехии – бывших младших партнеров по «соцлагерю», также переживавших период реформ. Интересно, что инвестиционные ставки другой огромной страны, проводившей глубокую индустриализацию экономики – Бразилии. – выросли в те же 1990-е гг. в пять раз.

Итак, в 1990-х гг. Россия резко сократила внутреннюю экономическую деятельность, а на внешнем рынке продавала высоко-конкурентный товар, нагруженный посредниками, которых раньше не было. Сама она не смогла стать ни для кого посредником, и не удержалась на тех рынках, на которых она была раньше монополистом.

Это резко сократило материальные возможности общества. Например, считается, что Россия для того сильно расширила импорт продовольствия, чтобы компенсировать падение аграрного производства. Однако на фоне настоящих мировых импортеров продовольствия её усилия просто не смотрятся (**Рис. 22**).

Исторические прецеденты.

Остается только объяснить, что же надо иметь в виду, говоря о «реформах 1990-х годов». В науке объяснения причин какого-либо процесса заканчивается выявлением его *объективных закономерностей*. Не является исключением и история. Закономерности выявляются путем анализа множества однотипных явлений. Для этого надо понять, какой аспект рассматриваемого случая следует считать общим явлением для множества случаев. Общим в российских реформах является «разгосударствлении» активов страны и «конвертации власти в собственность» частью советских элит.

По сути, «конвертация власти в собственность» означает, что правящий слой получает возможность автономного распоряжения значимыми ресурсами общества, которыми раньше он распоряжался на *условиях* несения службы государству. Возможность обменивать административные возможности на финансовые активы – вот подлинная цель реформ 1990-х годов, которой были принесены в жертву все остальные цели. Этому сопутствовало резкое имущественное расслоение.

Случилось ли такое с Россией впервые? Нет. В истории России было несколько циклов «огосударствления»/ «разгосударствления» жизни элит. Внутри каждого из циклов можно найти геополитический выигрыш (расширение державы), экономический проигрыш (хозяйственные бедствия) и радикальный политический переворот (насильственную смену правящей группы, смену способа держания ресурсов элитами).

- Первый цикл начинается реформами Избранной Рады и «опричниной» Ивана Грозного с замещением автономного боярства служилым дворянством («огосударствлением»). Затем следуют геополитические победы, поражение в Ливонской войне и, наконец, Смута начала XVII в. По итогам Смуты служилое дворянство получает назад часть административной автономии: «крепостное право» для крестьян и возможность передавать поместья по наследству.
- Второй цикл «огосударствления» начинают реформы Петра I. Государь расширяет число дворян, для чего отбирает назад часть их прав. Дворянство фактически делится на помещиков и чиновников: первые могут наследовать поместья, вторые – нет, а свое положение эти вторые должны *заслужить*. Военные победы оборачиваются долговременным геополитическим успехом. На этот раз элиты ведут разгосударствление постепенно. Процесс растягивается от дворцовых переворотов и «Вольностей дворянству» до убийства Павла I аристократической верхушкой (за нарушение «вольностей»). Усиление крепостнического гнета помещиков в первой половине XIX в. сопровождается длительным хозяйственным кризисом.
- Третий цикл наиболее «вялотекущий». Во второй половине XIX в. царское правительство пытается наступать на привилегии дворян-помещиков: перевести крепостных на «государственный оброк» («выкуп»), и распространить налоговый пресс на землевладельческую аристократию. В это время расслоение чиновничьего корпуса порождает массовый слой «разночинцев», которые вместе с дворянской аристократией формируют «революционный лагерь» революции 1905 г. Параллельно освобождение крестьян порождает массовый слой окрепшей общинной верхушки. Колеблясь между дворянством и общиной, разночинцы до определенного момента гасят конфликт внутри «революционного лагеря».

- Четвертый цикл «огосударствления»/ «разгосударствления» начинается после революции 1917 г. Этой революцией завершился конфликт интересов внутри «революционного лагеря». Цикл привёл к самым большим геополитическим успехам за всю историю существования российского государства (учитывая и область распространения символического влияния России). Режим левых радикалов держался в СССР на высокой вертикальной мобильности основных групп населения – они повышали свои статусные позиции в качестве госслужащих. Но закрепление властных полномочий в собственность – объективный процесс, который всегда происходит с элитами. Это – тот интерес, который неизбежно возникает уже в среде даже «красных командиров» Гражданской войны. Но правящая группа не всегда идет на поводу у интереса элит. В случае СССР именно высокая вертикальная мобильность привела к кризису лояльности населения – и правящая группа вступила в альянс с той частью элит, которая добивалась «разгосударствления» страны. «Разгосударствление» и стало Перестройкой и реформами 1990-х гг.

Исторические циклы могли быть короче или длиннее, но общая схема сохраняется. Во всех случаях «огосударствление» сопровождается геополитическими успехами (долгими или короткими), а «разгосударствление» – отпадением территорий и хозяйственным упадком страны, скатыванием ее на периферию мир-экономики. Получив право «не служить», элиты фактически сбрасывают с себя ответственность за судьбу простонародья, и кипевшая в стране внутренняя активность замирает.

Если служение государству становится незначимым для повышения статуса, то единственный способ поддержания иерархии элит – выяснение вопроса, «кто богаче». Аристократия начинает соревноваться в роскоши и «представительских» тратах, как это делали помещики конца XVIII в. Для покупки предметов роскоши нужна валюта, потому что все эти предметы производятся за границей. Как получить валюту, прикладывая минимум организаторских усилий? Надо продавать на внешнем рынке сырье, которое будет обязано добывать местное население. Везде в периферийных странах главенствующие позиции занимает сырьевая аристократия. Превращение в периферию мир-экономики и хозяйственный развал – это в большей степени следствие внутренних причин, а не внешней конъюнктуры.

Для начала очередного цикла «огосударствления» правящей группе нужен стимул – ярко выраженное геоэкономическое окраинное положение страны. Иными словами, нужно куда-то «прорубать окно» (через Казанское и Астраханское ханства, через Ливонию, через шведскую Прибалтику, через турецкое Причерноморье или «санитарный кордон»). Кроме этого стимула, важное условие «огосударствления» – наличие сильной конкуренции продавцов на мировых товарных рынках, где сразу можно дешево приобрести самые передовые образцы организации образования, армии, инженерного дела и т.д.

Если нет стимула, правящая группа не пошевелится. Если нет товарной конкуренции, процесс «огосударствления» принимает вялотекущий характер, и весь цикл затягивается. Наоборот, внутренний стимул правящей группы начать «разгосударствление» – расширение слоя элит на базе госслужбы, которое должно создать большие затруднения с их управляемостью. Если элиты созданы, то теперь главное – чтобы на мировых рынках воцарилась чья-нибудь финансовая монополия и кредит сильно подорожал. Такая ситуация предельно затрудняет покупку на внешнем рынке образцов организации чего-либо. Кроме того, предельно затруднено возвращение всех сделанных ранее правительственных долгов.

Подобные циклические схемы характерны не только для России, но и для всех стран «второго» и «третьего эшелонов» модернизации. Слабым подобием является историческая судьба Франции и Германии, а гипертрофированным подобием – эволюции политических режимов Китая, стран Южной Америки.

Попасть в число лидеров мир-экономики!

Во всех описанных циклах «огосударствление» является основным каналом для повышения статусных позиций амбициозными слоями и группами, не входящими в элиту. Этот канал – основной потому, что возможность повысить статусную позицию при помощи накопления капитала в ходе коммерческой деятельности почти отсутствует. В России коммерческий сектор традиционно слаб. За всю ее историю можно привести пример только Новгородской и Псковской торговых республик – в их развитии вплоть до конца XV в. центральное место занимали коммерческие элиты. Элиты нанимали князей.

Однако эти два русских города не идут ни в какое сравнение с современными им торговыми республиками северной Италии или Ганзейским союзом северной Германии (более сотни «вольных городов»). Следствием отсутствия коммерческой альтернативы для элит была неразвитость институтов парламентаризма, отсутствие политического представительного органа, где боролись бы интересы правящей группы, аристократии и торговых слоёв. Если есть эти слои и наличествует парламентаризм, не просто провести реформы «огосударствления» наподобие петровских – но не просто и получить затем преобладание аристократии и провести реформы «разгосударствления». Отсюда – была бы меньше «амплитуда» колебаний от блистательных успехов до позорных провалов.

Присутствие коммерческого сектора, настолько развитого, что он получает политическое оформление, возможно только при высокой прибыльности обменных операций коммерсантов. Неслучайно наиболее устойчивые парламентские режимы в истории существовали в странах наиболее прибыльных коммерческих предприятий и одновременно лидерах финансового способа накопления капитала (Голландия, Англия, США).

Вопрос закрепления парламентаризма в России и вопрос повышения коммерческой доходности её предприятий – это, в конечном счете, один и тот же вопрос: *что нужно стране для того, чтобы войти в «ядро» мир-экономики?* Простой ответ на него известен. Для вхождения в ядро мир-экономики Россия должна располагать собственной периферией, т.е. множеством неразвитых обществ, которые «покупали бы дорого, а продавали – дешево». Но ведь известно, что многие страны, включая и Россию), домогались зависимых территорий, но не у всех получалось их добыть. Какие условия нужны для того, чтобы торговые прибыли стали максимальными, а торгово-промышленный класс являлся существенной частью элиты?

Первое, что отличает лидеров мир-экономики (Голландия, Англия, США, Япония) – это наличие прямого выхода к акваториям, примыкающим к узлам деловой активности (Средиземное, Балтийское море, Атлантический и Тихий океаны). Прямой выход к морям создает географические возможности для непосредственной торговли и для поиска менее развитых обществ. О важности такого фактора говорит вся история Европы. Однако в ряде случаев как раз подобные страны «у моря» и попадают в зависимость (Индия, Китай, Иран).

Второе условие – геополитическая окраинность, т.е. малая протяженность границ с воинственными соседями. Наиболее характерные страны-лидеры мир-экономики (Англия, Япония, США) вообще находятся на острове или за океаном, отделанные от основных воинственных соседей. Они также могут быть прикрыты большим и

слабеющим государством (Византия в случае северо-итальянских торговых республик, Священная Римская империя в случае Голландии).

Малое число опасных внешних конфликтов ослабляет позиции военно-аристократического сословия, что позволяет коммерческому сословию усилиться. Удастся избежать массовых принудительных наборов населения в войска. Ну, а войны наемных армий вдали от территории страны – это как раз и есть доходное коммерческое предприятие. Не в пользу этого условия говорит то, что на карте можно найти немало островов и территорий, на которых никогда не было вооруженных конфликтов. Но далеко не все они – лидеры мир-экономики.

Третье условие. Наиболее крупные капиталы всегда сколачивались тогда, когда поблизости от страны-коммерсанта складывался баланс военного противоборства нескольких крупных государств. Войны шли почти непрерывно, и их участники незаметно оказывались опутаны торговой сетью, попадали в зависимость от поставок, а затем и от кредитов. Важно, что страна-коммерсант обычно сама дистанцировалась от конфликтов, её территории не прирастали или их прирост не зависел от исхода военных конфликтов. Неслучайно капиталистическая мир-экономика первоначально возникла именно на территории Европы – региона планеты, аномального по своей государственной раздробленности (в Европе больше всего государств на единицу площади). Где государства – там и границы, там и спор о границах, там и войны. В позднем Средневековье и в Новое время войны в Европе идут непрерывно, они становятся своего рода коммерческим предприятием крупных торговых компаний и финансовых династий.

Массовые наемные армии сражаются, вооруженные и обмундированные мануфактурами Льежа и Фландрии, нанятые за аргентинское серебро. В XVI в. в Европе поднимаются невиданные нигде в мире по сложности фортификационные сооружения. Государей так много, что они постоянно организуют сложные коалиции, и ни одна из коалиций не способна победить другую до конца. Для новых наемных армий, а также выплат долгов банкирам государи Европы устанавливают новую налоговую систему, которая получила название *«регулярное государство»*. Для этого пришлось создать массовый корпус бюрократии. В XVI-XVII вв. наемные армии в Европе достигают в сумме от полумиллиона до миллиона человек. Современные слова *«компания»*, *«офис»* первоначально – военные термины. Война становится разновидностью коммерции. Но чтобы это произошло, конфликтов должно быть достаточно много, страна-коммерсант не должна быть вовлечена в большинство из них, но сами конфликты должны находиться в пределах её торговой досягаемости.

По отдельности каждое из условий не ведет к превращению страны в лидера мир-экономики. Но все вместе они реализовывались очень небольшое количество раз, и в каждом случае вели к возникновению нового участника «ядра» мир-экономики. Большая часть стран «ядра» и возникла в пределах Европы. За исключением США, для которых вся Европа целиком стала воюющим сообществом в пределах досягаемости их товарных потоков. Впрочем, и за исключением Японии, где Реставрация Мэйдзи произошла потому, что англичане, немцы и французы начали делить Китай, чем и создали ситуацию военного баланса. После Второй мировой войны ситуацию военного баланса для Японии в регионе создали США, СССР и КНР, причем, японцам не нужно было тратить на оборону даже тогда, когда рядом гремела Корейская война.

Перспективы.

Исходя из сказанного, можно оценить долгосрочные перспективы России. Что потребуется ей для того, чтобы реализовалась мечта всех реформаторов о вхождении ее в число экономических лидеров и даже превращении в гегемона мир-экономики?

Для этого надо избавиться от геоэкономической окраинности, т.е. между Россией и акваториями, примыкающими к центрам деловой активности (Атлантика, Азиатско-Тихоокеанский регион) должны исчезнуть все посредники, которые её от этих акваторий отделяют. Требуется также резкое уменьшение границ России, обремененных возможными конфликтами, т.е. создание ситуации геополитической окраинности страны. Итак, избавление от окраинности геоэкономической и приобретение окраинности геополитической.

В этой ситуации в России возникнут условия для преобладания торгово-промышленных кругов элиты над военно-административными кругами. Такие условия должны сложиться до начала нового витка товарной конкуренции в том мире, в котором Россия станет уже активным участником.

Через 20-30 лет после складывания этой ситуации (но не раньше!) выдвижению России в число экономических лидеров мира мог бы способствовать крупный межгосударственный конфликт в пределах досягаемости российской торговой сети. При этом Россия не должна быть вовлечена в конфликт.

Понятно, что в нынешних границах всё это невозможно. Либо надо предположить, что беспокоящие ныне Россию военные силы НАТО и КНР по уровню опасности окажутся столь же незначительны, как, скажем, сегодня республики Средней Азии. Либо от России нужно оставить небольшой анклав на Дальнем Востоке, который отгородится от возможных конфликтов дополнительными территориями, слабыми и чужими для себя. Оккупация России одним из участников конфликта (подобно тому, как в 1945 г. США оккупировали Японию) здесь не подойдет, поскольку Россия, в отличие от Японии, не будет отрезана от конфликта морем, и конфликт может пойти по её территории. Такого рода геополитические эксперименты не обещают однозначного успеха, зато утрата существующих территорий страны гарантирует бедствия.

Более вероятно, что прежняя логика развития России сохранится. Здесь возможны существенные колебания: от триумфов вроде советского космического прорыва до провалов вроде ельцинского. Исходя из общей схемы российской истории, можно предполагать, что в дальнейшем этап «разгосударствления» сменится очередной государственной мобилизацией элит. Какие условия для этого требуются?

Во-первых, для этого полезно вновь очутиться на задворках торговых путей (что уже и происходит с нами). Во-вторых, притязания новых социальных слоёв-претендентов (каких-нибудь «новых разночинцев» или «новых красных командиров») должны совпасть с новым периодом мировой товарной конкуренции, как это было в начале петровского периода или в конце 1920-х гг.

В новых условиях необязательно предполагать именно силовую экспансию⁵. Толчок может дать распространение информационного влияния или иные формы выхода из геоэкономической окраинности. Длительность нового цикла «огосударствления» будет зависеть от его успешности: чем быстрее придет успех и чем он будет полнее, тем быстрее элитам захочется избавиться от «службы», то есть от условности держания ресурсов. Дальнейшее будет зависеть от того, будет ли соблюдаться циклическая динамика России в дальнейшем, или удастся найти от этой «динамики» хорошее противоядие.

Но и второй вариант России не гарантирован. Существует еще вариант окончательного ее превращения в периферию мир-экономики. История показывает, что в колонии и полукolonии большие страны превращаются тогда, когда период автономного держания ресурсов местными элитами длится чересчур долго. Элиты раскалываются по территориально-клановому принципу (как навабы Индии перед англо-французским завоеванием или как чиновники китайских провинций накануне Первой опиумной войны). При этом торговых посредников на внешних рынках становится слишком много, и они начинают тяготиться центральным правительством страны: издержки устранения «центра» становятся меньше издержек от таможенных пошлин и прочих выплат этому центру. Во всех случаях, когда крупные страны (Индия, Китай, Индонезия) теряли независимость, это сопровождалась или закреплялась их военным поражением.

Поражение было тем полнее, чем больше терпящие крах страны отставали в заимствовании наиболее эффективных образцов организации (военных, технических, культурно-образовательных). В этом отставании и состоит главная опасность скатывания на периферию мировой торговой системы для любой страны.

Впрочем, есть еще вариант, в котором пятисотлетняя логика мир-экономики в ближайшем будущем перестанет соблюдаться вообще. Но такой вариант пока находится за пределами возможностей прогнозирования.

РЕЗЮМЕ.

Либеральные реформы в России как продолжение Перестройки в СССР первоначально были ориентированы на модернизацию технологической сферы, увеличение темпов экономического роста, и достижение «стандартов жизни» Запада. Десять лет реформ в России закончились провалом по всем названным параметрам. Объём промышленного сектора за 1990-е гг. сократился более чем вдвое, объёмы лёгкой

⁵ Основная часть данного текста была написана в 2011 г., еще до переворота 2013 г. на Украине, до войны на Донбассе, до усиления военного присутствия России в Заполярье 2014 г., и до участия России в сирийском конфликте 2015-2016 гг. Указанные события продемонстрировали многообразие силовых и «полусиловых» сценариев грядущей борьбы России с геополитическими оппонентами за выход из ситуации геоэкономической окраинности. От поддержки пророссийского правительства Януковича, а затем – пророссийских сил на Украине – до развёртывания подразделений Сухопутных войск России на Новой Земле, а также – военной операции в Сирию. В тексте верно предсказывается переход геоэкономической игры России «нулевых годов» в геополитическую плоскость, однако многообразие «силовых» сценариев было явно недооценено. Длительная экономическая тяжба «Газпрома» с Украиной по поводу трубопроводного транзита сменилась очень короткой фазой информационной борьбы конца 2013-начала 2014 гг., и, наконец – войной на Донбассе, с поддержкой пророссийских партизан участников. В 2016 г. экономическая тяжба с Турцией (также по поводу трубопроводов) перешла в информационную борьбу, которая также очень быстро сменилась войной «через вторые руки» – возобновление конфликта вокруг Нагорного Карабаха, в котором Россия, скорее, будет поддерживать Армению, а Турция – Азербайджан (написано в апреле 2016 г.).

промышленности и сельского хозяйства также упали вдвое, хотя целью реформаторов был именно подъём лёгкой промышленности за счёт сокращения инвестиций в тяжёлую промышленность. Не стала Россия и по-настоящему «информационным обществом»: её компьютеризация носит потребляющий, а не производящий характер (Россия – это рынок, а не источник информационных продуктов). За годы реформ произошла утрата прежнего уровня благосостояния: ВВП упал в пять раз. С 1996 г. началась депопуляция страны, остановленная в 2010 г. (но и в 2016 г. можно говорить о возвращении только 4 млн. из 6-ти миллионов убиавших).

С точки зрения миросистемной логики такое падение произошло оттого, что Россия сместилась на периферию мир-экономики: потеряла все внешние рынки за исключением сырьевых, и приобрела массу посредников на торговых путях. С точки зрения структурно-демографической логики такой обвал произошёл из-за очередного «разгосударствления» элиты, которая сбросила с себя обязательства перед государством и обществом, и овладела львиной долей всех активов страны. За годы реформ в 7-9 раз (в среднем!) вырос имущественный разрыв между богатыми и бедными. В истории России можно выделить четыре таких циклов «огосударствления»/«разгосударствления», каждый в начальной фазе обеспечивал геополитический выигрыш, а в завершающей фазе – геоэкономический проигрыш.

Перспектива России в мире связана с ответом на вопрос, в каком секторе мир-экономики она будет находиться через 30-50 лет.

Существует три варианта.

Первый вариант – «Россия в ядре мир-экономики» – невозможен в нынешних территориальных границах. Большая часть современной территории страны должна отпасть и стать «ничейными» буферными зонами, а выигрыш получит та часть территории, которая имеет выход к незамерзающей акватории (Дальний Восток на Тихом океане). Этой части не коснется грядущий геополитический конфликт, но ей удастся на нём заработать экономически.

Реализация второго варианта – «Россия как часть полупериферии мир-экономики» – зависит от того, как долго продлится нынешний «аристократический» период истории России, и как скоро начнется очередной этап её «огосударствления». Для последнего процесса важно сочетание следующих обстоятельств: усугубление геоэкономической окраинности, накопление существенной социальной прослойки претендентов в элиту, а также начало товарной конкуренции в пределах всей мир-экономики. Первые два обстоятельства уже налицо: Российская Федерация везде окружена посредниками на торговых путях, а доступная и всеохватная система высшего образования продолжает пополнять неразвитое сырьевое общество специалистами с завышенными социальными притязаниями. Однако третье обстоятельство к середине второго десятилетия XXI в. всё еще запаздывает: монополия Китая на новый товар (дешевую, но квалифицированную рабочую силу) только-только начинает оспариваться Индией и странами Юго-Восточной Азии, но развернувшийся в мире кризис перепроизводства и «переинвестирования» затормозил этот процесс. Кредит и технологии остаются дорогими для стран с ВВП масштаба России.

В этой связи особенно опасен третий вариант – скатывание России на периферию мир-экономики. Он возможен в случае долговременной стагнации российской экономики и «приватизации» государства элитами.

ЗАДАНИЯ

Вспомните определения

✓ модернизация

- ✓ мир-экономическая система
- ✓ геоэкономическая окраинность
- ✓ геополитическая окраинность

Дайте определения

- ✓ деиндустриализация
- ✓ депопуляция
- ✓ «разгосударствление» элит
- ✓ «вторичная компьютеризация»
- ✓

Подготовьте сообщения

- ✓ «Огосударствление» - «Разгосударствление» России: анализ исторических прецедентов

Тема микро эссе

- ✓ Россия как лидер мир-экономики: необходимые условия.